

ЛУННЫЙ СВЕТ В БЛОКЧЕЙНЕ

Детектив о том, как украсть то,
что висит на стене

Денис Авдеев

Денис Авдеев

Лунный свет в блокчейне

<https://litres.ru/73913206>

SelfPub; 2026

Аннотация

Бывший следователь Ирина Лебедева и гениальный аутист Лев Баркан против системы, которая превратила искусство в цифровой актив.

Кто-то создал NFT картины Архипа Куинджи «Лунная ночь на Днепре» и продал его за 2,2 миллиона долларов. Теперь владелец токена требует снять подлинник с экспозиции Третьяковской галереи — ведь физическая картина, по его словам, лишь «устаревший документ», а истинный свет живёт в блокчейне.

Ирина берётся за расследование. Лев находит технический баг в старом стандарте ERC-721, доказывая, что NFT привязан не к картине, а к публичному хэшу музейного сертификата. Но за схемой стоят не только деньги: на кону — судьба самого понятия подлинности, семейная травма уволенного реставратора и тайна сияния, которое Куинджи смешал на палитре 140 лет назад.

Технологии против искусства. Свет против байтов. И один суд, который решит, кому на самом деле принадлежит «Лунная ночь».

Содержание

Глава	4
Крым, посёлок Кореиз, 2018 год	5
Крым, Кореиз, 2021 год. Ночь перед созданием токена	10
Глава 1. Открытие	14
Глава 2. Утро в Третьяковке	17
Глава 3. Первое дело	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Лунный свет в блокчейне

Глава

Детектив о том, как украсть то, что висит на стене

Крым, посёлок Кореиз, 2018 год

Октябрь в Крыму — это запах прелой хвои и морской соли, смешанный с сыростью опавших листьев. Алексей Туманов сидел на веранде дома, который когда-то принадлежал его отцу, и смотрел на море. Там, за горизонтом, была Турция. Там, за горизонтом, была другая жизнь.

Он приехал сюда три дня назад. С тех пор не брился, не мыл посуду и почти не спал. В кармане пиджака лежало письмо — ответ на его докладную. Четыре страницы. Сухие, казённые, уничтожающие.

«Уважаемый Алексей Викторович! Ваше предложение о внеплановой реставрации картины Архипа Куинджи "Лунная ночь на Днепре" рассмотрено комиссией. В связи с ограниченностью бюджетных средств и отсутствием подтверждённых данных о критическом состоянии красочного слоя — отказано. Рекомендуем вам сосредоточиться на текущих задачах...»

Он перечитал это письмо раз десять. В каждом абзаце сквозило одно и то же: «Не лезь не в своё дело».

— Глупости, — сказал он вслух. — Это всё глупости.

Море не ответило.

Туманову было сорок три. Двадцать лет он проработал в Третьяковке — сначала реставратором, потом хранителем,

потом старшим хранителем. Он знал запасники лучше, чем свою квартиру. Знал, где пыль толще, где крысы грызут рамы, где краска отслаивается так, что страшно дышать.

«Лунная ночь» болела. Он видел это каждый день. Кракелюр на правом нижнем углу углублялся, пигмент тускнел, а в ультрафиолете проступали тени — там, где реставраторы 1978 года переписали оригинальный слой. Он написал три докладные за пять лет. Все три отклонили.

— Нет денег, — говорили ему. — Нет экспертов. Нет времени.

А потом он узнал, куда уходят деньги.

Это случилось случайно — или не случайно, он так и не понял. В кабинете директора он увидел смету на ремонт выставочных залов. Цифры были безумными: миллионы рублей на мраморные полы, итальянскую плитку, хрустальные люстры. Рядом — строчка: «Реставрационный фонд — 0».

Он спросил директора. Та пожала плечами.

— Реставрация не даёт быстрой отдачи, Алексей Викторович. Вы же понимаете.

Он понял. И написал докладную. Не о реставрации — о том, что деньги, выделенные Министерством культуры на сохранение наследия, уходят на нечто другое. Он не называл имён. Просто цифры. Просто факты.

Через месяц его уволили.

«За систематическое нарушение субординации».

Теперь он сидел на веранде в Кореизе, пил остывший чай

и смотрел на море. Дом отца был старым, запущенным, но в нём было тихо. Здесь никто не требовал докладных. Здесь никто не врал.

Отец, Андрей Туманов, тоже был реставратором. Тоже работал в Третьяковке. Тоже был уволен — в 1978 году, после того как написал заключение о том, что «Лунная ночь» нуждается в срочной консервации. Его заключение положили под сукно. Назначили другого реставратора. А отцу сказали: «Вы слишком принципиальны».

Отец умер в 2019-м. За год до смерти он передал сыну папку с документами — старыми, пожелтевшими, пахнущими плесенью.

— Здесь правда, — сказал он. — О том, как убивают картины.

Туманов открыл папку. Там были акты, протоколы, письма. И фотографии. «Лунная ночь» в инфракрасном спектре — та, которую никто не видел. Под слоем поздних записей проступал оригинал. Яркий. Живой.

Он просидел над папкой до утра.

На следующий день в дверь постучали.

Туманов не ждал гостей. В Кореизе его никто не знал — он купил дом через подставное лицо, за наличные, которые копил двадцать лет. Никто не знал, что он здесь.

— Откройте, Алексей Викторович, — сказал голос за дверью. — Мы не причиним вам вреда.

Он открыл.

На пороге стоял мужчина лет пятидесяти, в дорогом костюме, без галстука. Лицо его было гладким, бесстрастным, как у куклы. За ним — двое в чёрном.

— Кто вы? — спросил Туманов.

— Человек, который может помочь вам спасти «Лунную ночь».

Мужчина вошёл, не дожидаясь приглашения. Осмотрел веранду, поморщился (пыль, немытая посуда, остывший чай), сел на стул напротив.

— Меня зовут Дмитрий Кротов. Вы обо мне не слышали, и это хорошо. — Он улыбнулся. — Я занимаюсь искусством. Точнее — будущим искусства. Цифровым будущим.

— Я не продаю картины.

— Я и не предлагаю покупать. — Кротов достал из кармана флешку и положил на стол. — Здесь всё, что вы должны знать о блокчейне. О NFT*. О том, как зафиксировать цвет так, чтобы его нельзя было стереть.

Туманов посмотрел на флешку. Потом на Кротова.

— Зачем вам это?

— Я инвестор, Алексей Викторович. Я ищу проекты, которые изменяют мир. Ваш — один из них. Вы знаете «Лунную ночь» лучше, чем кто-либо. Вы знаете, что она умирает. Я предлагаю вам способ сохранить её — не холст, а свет. То, ради чего Куинджи её писал.

— И сколько вы хотите за это?

— Ничего. — Кротов снова улыбнулся. — Я хочу, чтобы

вы создали NFT. А дальше... рынок сам решит.

Туманов молчал.

— Почему я? — спросил он наконец.

— Потому что вы — единственный, кто действительно её любит. — Кротов встал. — Подумайте. Я позвоню через неделю.

Он вышел. Двое в чёрном — за ним.

Туманов остался сидеть на веранде, глядя на флешку. Чай давно остыл. Море было серым, как сталь.

Через неделю он сказал «да».

**NFT (от англ. non-fungible token) — невзаимозаменяемый токен. Это цифровой сертификат, подтверждающий уникальность объекта (изображения, видео, записи) в блокчейне. Благодаря NFT цвет, однажды записанный в смарт-контракт, невозможно подделать или стереть.*

Крым, Кореиз, 2021 год. Ночь перед созданием токена

Туманов сидел перед монитором, смотрел на зелёные строки кода.

Он выучил Solidity. Он прочитал всю документацию по ERC-721, нашёл старый стандарт с багом, изучил каждый байт, каждую функцию. Он мог бы написать этот смарт-контракт с закрытыми глазами.

Но палец завис над клавишей Enter.

Три года назад он приехал сюда другим человеком. Уволенный, злой, с папкой отцовских документов и пустыми карманами. Дом отца — старый, запущенный, с верандой, откуда видно море. Туманов думал: здесь начнётся новая жизнь. Реставрационная мастерская. Тихое, честное дело. Но денег не было. Заказов не было. Он пил, смотрел на море, ненавидел музей, который вышвырнул его, как ненужную вещь.

А потом пришёл Кротов.

— Вы хотите спасти картину? — сказал он. — Я научу вас.

Туманов тогда ещё мог отказаться. Он думал об этом каждую ночь последних трёх лет. И каждый раз находил причи-

ну сказать «да». Другого способа не было. Кротов дал ему технологию. Кротов дал ему надежду. Только потом, уже выучив Solidity, Туманов понял, что Кротов не бескорыстен. Слишком сложная схема. Слишком дорогой газ.* Слишком анонимные кошельки.

Но было поздно. Поезд ушёл.

На столе слева от монитора лежала фотография отца. Андрей Туманов, 1978 год, в реставрационной мастерской. Белый халат, кисти, банки с пигментами. Он улыбался. Тогда он ещё улыбался.

Справа — письмо из Министерства культуры. Ответ на его последнюю докладную. Сухие строки: «В связи с отсутствием подтверждённых данных... отказано».

Туманов перечитал его в сотый раз.

«Вы слишком принципиальны», — сказали отцу в 1978-м.

«Вы слишком принципиальны», — сказали ему в 2018-м.

Отец умер в 2019-м. В больнице, от рака поджелудочной. Туманов сидел рядом, держал его за руку. Отец говорил не о смерти, не о семье. Он говорил о картинах.

— «Лунная ночь» умирает, — сказал он. — Я видел её в инфракрасном спектре в 1975-м. Она была живая. Яркая. Сияющая. А теперь... её задушили. Слойми лака. Поздними записями. Равнодушием. — Он кашлянул. — Обещай мне, что ты её спасешь.

— Как? — спросил Туманов.

— Любым способом.

Туманов не ответил. Он не знал как. Но теперь знал.

Он посмотрел на экран. Строка за строкой. Функция `_setTokenURI` без проверки ID. Хэш SSL-сертификата Третьяковки — публичный, всем известный. Он использует его как ID токена. А потом привяжет свои метаданные: «Лунная ночь. Оригинальное переживание».

Туманов снова вспомнил Кротова. Тот стоял на веранде, улыбался кукольной улыбкой и говорил: «Я хочу, чтобы вы создали NFT». Туманов не спросил тогда — зачем Кротову это? Почему он предлагает помощь бесплатно?

— Я инвестор, — сказал Кротов. — Я ищу проекты, которые изменяют мир.

Туманов тогда поверил. Теперь — нет. Но отступить было некуда.

Это не кража. Это создание нового. Цифровой тени, которая будет сиять так, как сиял оригинал в 1880 году.

Палец нажал Enter.

Транзакция ушла в блокчейн. Зелёные строки побежали по экрану, подтверждая: токен создан. ID — хэш сертификата Третьяковки. Метаданные — его.

Туманов откинулся на спинку стула. В комнате было тихо. Только гул вентиляторов.

— Прости, отец, — сказал он тихо. — Я не смог спасти холст. Но я спас свет.

Он не был уверен, что отец одобрил бы. Но он был уверен,

что Кротов не рассказал ему всего. И это будет стоить ему свободы. Свободы, которую он уже потерял три года назад, когда впервые сказал «да».

Он закрыл ноутбук и вышел на веранду. Море было чёрным. Луны не было. Но он знал, что где-то в блокчейне уже горит тот самый свет — куинджиевский, незалакированный, настоящий.

И никто не сможет его потушить.

**«Газ» (англ. gas) — единица измерения вычислительной работы в блокчейне. За каждое действие (перевод токенов, вызов смарт-контракта) взимается комиссия в газе. Чем сложнее код, тем выше расход газа. В переводе на реальные деньги дорогой газ означает высокую комиссию.*

Глава 1. Открытие

Запах дорогого виски и озона висел в воздухе лондонского аукционного дома Digital Matter. Было 19:47.

Digital Matter размещался в бывшем банковском хранилище на Греческой улице. Толстые стены, которые когда-то берегли золото, теперь экранировали сигнал — идеальное место для торгов, где каждый лот пахнет анонимностью.

Третий зал. Ряды чёрных кресел, в каждом — планшет с пульсирующим зелёным глазком. Над головами гостей плывут голограммы: «Цифровая плоть» — так назвал свою лекцию организатор торгов, человек, чьё лицо никто не видел. Здесь не принято смотреть в глаза. Здесь смотрят на экраны.

Двадцать три участника. Онлайн-подключение из Цюриха, Сингапура, Дубая. Двое — в зале: китайка в очках с толстыми стёклами и мужчина с браслетом, отслеживающим пульс. Пульс у него — сто двенадцать.

— Лот номер двенадцать, — голос аукциониста отфильтрован, как у диспетчера авиации. — Автор: mint(Куинджи). Название: «Лунная ночь на Днепре. Оригинальное переживание».

На главной стене загорается изображение.

Это не копия. Это не скан. Это — цвет.

Тёмно-синий, почти чёрный. И в нём — серебряный разрез, лунная дорожка, которая, кажется, дышит. Голограмма мерцает с частотой 0,3 герца — ровно так, как, по исследованиям, мерцает свет на воде в безветренную ночь. Картина Куинджи висит в Третьяковской галерее уже сто сорок лет. Но никто никогда не видел её такой.

Потому что mint(Куинджи) утверждал, что воссоздал не изображение, а спектр.

«Я не копирую картину, — гласило описание под лотом. — Я удостоверяю подлинность момента, когда Куинджи смешал этот цвет. Не тот цвет, который видите вы сейчас в музее, — залакированный, потрескавшийся, переписанный реставраторами. А тот, который был на палитре в 1880 году, за секунду до того, как мазок лёг на холст. Токен даёт право на первичное эстетическое переживание — так, как его задумал художник. Холст в Третьяковке — всего лишь документ. Бумажка».

В зале замерли.

Аукционист выдержал паузу ровно на три удара сердца.
— Начальная ставка: триста тысяч долларов.

Китаянка поднимает планшет. Торги идут не в долларах — в эфире. Пять ЕТН. Десять. Пятнадцать.

Мужчина с браслетом вытирает лоб.

— Сто пятьдесят тысяч. Двести. Триста.

Ставки летят так быстро, что аукционист успевает только кивать. Это похоже не на продажу, а на пожар. Кто-то сжи-

гает деньги, и никто не может понять — зачем.

— Четыреста. Пятьсот. Восемьсот.

Где-то на пятой минуте в игру вступает он. С кошелька, зарегистрированного в Гонконге, приходит ставка: один миллион двести тысяч долларов.

В зале тишина. Китайка опускает планшет.

— Миллион триста, — говорит аукционист.

Гонконг отвечает через секунду: миллион пятьсот.

Другой участник из Цюриха пытается поднять до миллиона шестисот. Гонконг перебивает: два миллиона.

Телефонный звонок. Всего один гудок. Аукционист поднимает голову и смотрит прямо в камеру трансляции. Жест — вопрос. Гонконг отвечает ещё через три секунды.

— Два миллиона двести тысяч долларов, — произносит аукционист. — Продано. Покупатель — кошелёк 0x7F3...E9A.

Где-то в Гонконге, в квартире с видом на бухту Виктория, человек, которого никто никогда не видел, закрывает ноутбук. Он только что заплатил два миллиона двести тысяч долларов за право смотреть на свет, которого не существует.

Но это не его проблема.

Проблема начнётся через четырнадцать часов. В Москве.

Глава 2. Утро в Третьяковке

В зале 10 Третьяковской галереи было тихо. Стрелки показывали 09:32 утра.

Ирина Лебедева любила это время — утро вторника, когда экскурсии ещё не набежали, а солнце из Лаврушинского падает на паркет под правильным углом. Она стояла перед «Лунной ночью на Днепре» уже пятнадцать минут. Не как юрист. Как человек, который в детстве засыпал с репродукцией этой картины под подушкой.

Она знала каждую трещинку в кракелюре. Знала, где реставраторы прошлись шпателем в 1978-м, где оригинальный слой сохранился, а где — только поздняя запись. Ирина знала даже то, о чём не писали в отчётах: что правый нижний угол чуть теплее левого, потому что в 1941-м, когда картину эвакуировали в Новосибирск, её упаковали в войлок, и он отдал свой жёлтый пигмент.

Это было её искусство. Не право — обязанность знать.

— Ирина Сергеевна, — голос секретарши дрожал. — Вас срочно к директору.

— Что случилось?

— Не знаю. Там... там люди из Министерства культуры. И какой-то мужчина с чемоданом.

Директорский кабинет на втором этаже пах кофе и пани-

кой. За столом сидели: сама директор — Людмила Борисовна, седая, с идеальной осанкой; двое мужчин в серых костюмах (Министерство) и один — в чёрной водолазке, с ноутбуком, который он не выпускал из рук.

— Садитесь, Ирина Сергеевна, — Людмила Борисовна говорила так, будто объявляла о смерти. — Посмотрите это.

Экран ноутбука развернули к ней.

Заголовок на Bloomberg: «Куинджи в блокчейне: анонимный NFT продан за \$2,2 млн. Третьяковка не комментирует».

Ирина прочитала описание лота дважды.

«Холст в Третьяковке — всего лишь документ, бумажка».

— Это... это шутка? — спросила она.

Мужчина в водолазке покачал головой:

— Это смарт-контракт на Ethereum. Необратимый. Покупатель уже заявил права на «первичное эстетическое переживание». Через час его адвокаты подают иск в Сингапурский арбитраж. Они требуют признать, что демонстрация физической картины наносит ущерб его цифровому активу.

— Какому ущербу? — Ирина всё ещё не верила.

— Репутационному. — Мужчина пожал плечами. — И финансовому. Каждый раз, когда кто-то смотрит на вашу картину, мой клиент теряет деньги. Потому что зрители путают, что из этого — подлинник.

В кабинете стало тихо.

Ирина посмотрела в окно. Там, в зале 10, всё ещё висела

«Лунная ночь». Технически — ничего не случилось. Картину не вырезали из рамы, не подменили, не облили кислотой.

Но её украли.

Украли, даже не прикоснувшись.

— Что нам делать? — спросила директор.

Ирина медленно повернулась от окна.

— Нам нужен человек, который говорит на языке блокчейна. И который умеет находить то, что нельзя украсть.

— Такие бывают?

— Был один. — Ирина достала телефон. — Лев Баркан.

Он аутист, он ненавидит музеи и живёт в коммуналке с тремя мониторами. Но он единственный, кто однажды доказал в суде, что биткоин нельзя украсть — потому что он сам по себе уже украден.

Она набрала номер.

— Лев, это Ирина Лебедева. Из Третьяковки. Помнишь, ты говорил, что искусство — это «информационный шум»? У нас проблема. Кто-то только что превратил Куинджи в шум. И продал его за два миллиона.

Пауза.

— Нет, — ответил голос в трубке. — Он его продал за два миллиона двести.

— Откуда ты...

— Я смотрел трансляцию, — сказал Лев. — Я всегда смотрю трансляции. Это единственное место, где нет людей.

— Ты сможешь?

Длинная пауза.

— Приезжай, — сказал Лев. — Но только не в музей. Я не переступаю порог мест, где пахнет мёртвыми деревьями. Встречаемся в «Кофе и Цифре» на Таганке. Там розетки есть.

Он отключился.

Ирина убрала телефон. Мужчина в водолазке — адвокат покупателя — уже ушёл, оставив на столе визитку. На ней значилось название сингапурской фирмы, которая специализировалась на исках против музеев.

«Искусство должно быть свободным», — гласил слоган.

— Людмила Борисовна, — сказала Ирина, — дайте мне три дня.

— Три дня — до чего?

— До того, как мы поймём, кто этот mint(Куинджи). И почему он ненавидит нас больше, чем любит искусство.

Она вышла из кабинета.

В зале 10 всё так же висела «Лунная ночь на Днепре». Серебряный свет струился по тёмной воде, не подозревая, что где-то в блокчейне уже горит его цифровая душа.

Картина не знала, что её украли.

Но Ирина знала.

Глава 3. Первое дело

Ирина пытается подать иск о нарушении авторских прав и кибермошенничестве. Но адвокаты разводят руками.

В смарт-контракте NFT нет прямого упоминания «Третьяковской галереи» или «копии». mint(Куинджи) продаёт не образ картины, а «цифровую сущность куинджиевского сияния».

По законам Великобритании (где проводился аукцион) NFT — это «контракт на переживание», а не объект интеллектуальной собственности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.